

П.Я. ФЕЛЬДМАН

«ПОСТПРАВДА» И «ФЕЙК-НЬЮЗ» В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИКО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье предпринимается попытка концептуализации понятия «правда» применительно к современной стадии эволюции публичного коммуникационного пространства, а также осуществляется поиск действенных механизмов политико-правового регулирования информационных потоков. Автор приходит к выводу о том, что в условиях стремительного развития коммуникационных технологий традиционные научные принципы дифференциации истины и лжи уступают место прагматическому и аксиологическому подходам, в рамках которых под правдой понимается то, что соответствует субъективным интересам и ценностям политических акторов. Главным критерием достоверности в эту эпоху становится готовность масс уверовать в реальность определенных событий. На этом релятивистском фоне лишь нормы права способны прочертить границу между «деструктивными фейками» и «настоящими новостями». Осознавая всю философскую условность подобных границ, автор воспринимает их существование как неизбежный атрибут цифровой эпохи.
Ключевые слова: постправда, фейк-ньюз, фейковые новости, закон о борьбе с фейками, политическая манипуляция, политические технологии, Интернет.

POST-TRUTH AND FAKE NEWS IN THE MODERN COMMUNICATION SPACE: PERSPECTIVES OF POLITICAL AND LEGAL REGULATION

Abstract. This article attempts to conceptualize the concept of “truth” in relation to the modern stage of evolution of the public communication space, and also searches for effective mechanisms of political and legal regulation of information flows. The author comes to the conclusion that in the conditions of rapid development of communication technologies, traditional scientific principles of differentiation of truth and falsehood give way to pragmatic and axiological approaches, within the framework of which truth means what corresponds to the subjective interests and values of certain political actors. The main criterion of authenticity in this era is the willingness of the masses to believe in the reality of certain events. On this relativistic background, only the rule of law is able to establish rigid regula-

---

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета Академии труда и социальных отношений, заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов, г. Москва

tory boundaries between “destructive fakes” and “real news.” Realizing the philosophical convention of such boundaries, the author perceives their existence as a conscious necessity.
Keywords: *post-truth, fake news, fake news, anti-fake law, political manipulation, political technology, the Internet.*

За последние несколько лет российские законодатели предприняли ряд попыток правового упорядочения весьма чувствительной сферы, касающейся свободы распространения сообщений в средствах массовой информации и Глобальной сети. С точки зрения формального целеполагания, никаких претензий к парламентариям не возникает: вряд ли кто-то решится утверждать, что в публичной информационной среде должна циркулировать ложь, тем более представляющая угрозу для жизни и здоровья граждан. Степень общественной опасности тех или иных посылов, транслируемых на широкую аудиторию, определить не так уж и сложно, однако любые попытки проведения нормативно-правового «водораздела» между правдивыми и фейковыми (поддельными) новостями упираются в серьезные эτικο-философские преграды. В сущности, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации сталкиваются с необходимостью разрешения хрестоматийного спора между Сократом и софистами, который разворачивался две с половиной тысячи лет назад.

Софисты с позиции крайнего релятивизма устами своего наиболее выдающегося представителя Протагора утверждали: «Человек — мера всех вещей — существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [1, с. 32]. Сократ же, отрицая субъективизм в вопросах морали и нравственности, полагал наличие неких неизменных сущностей вроде абсолютной добродетели, абсолютной красоты или абсолютной истины (впоследствии у Платона эти сущности будут названы «идеями»). На протяжении 20 веков сократовский абсолютизм оставался краеугольным камнем христианской философии, и даже И. Кант со своим гносеологическим пессимизмом не осмелился бросить ему вызов в вопросах этики и морали. Однако с наступлением эпохи постмодерна пришло «время Протагора». В доведенном до крайности софистическом мировосприятии ложь окончательно уравнилась с правдой. В результате их конвергенции возникло синтетическое понятие «постправда», обозначающее обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям. В 2016 году, по версии Оксфордского словаря, «постправда» была признана «словом года». Характерно, что в широкое употребление оно вошло на фоне выборов Президента США и проведения референдума о Brexit.

В 2017 году проблематика постправды обращает на себя внимание представителей отечественного научно-экспертного сообщества. Так, С.В. Чугров в работе «Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии» высказывает опасение, что в эпоху

постправды «такая неоспоримая ценность либерального общества, как свобода слова, очевидно, рискует деградировать и превратиться в фикцию» [2, с. 42]. С лингвистической позиции термин «post-truth» рассматривает О.В. Корецкая, по мнению которой он в современном англоязычном медиадискурсе обладает выраженными отрицательными коннотациями [3, с. 137]. А.И. Щербинин и Н.Г. Щербинина находят постправду порождением «эпохи деконструкции». Рассматривая сущностные аспекты соответствующего явления через призму событий «киевского Майдана», указанные авторы справедливо констатируют размывание концептуальных границ между «правдой» в ее традиционном понимании и «post-truth» [4, с. 134]. По мнению Ю.А. Черненко, с наступлением «цифровой эпохи» так называемый «сторителлинг» (рассказывание историй о текущих политических событиях) превратился в инструмент «политики постправды», применяемый для управления общественным сознанием [5, с. 73].

Значительно более обширный пласт работ посвящен теме «фейковых новостей» и их роли в современных политических процессах. Л.Р. Рустомова и Б.А. Барабаш рассматривают «фальшивые новости» как неотъемлемый атрибут политики постправды [6, с. 23]. По мнению И.В. Лебедевой, фейк, «став типичным явлением социальной действительности», проявляется «в политике, учебной литературе, науке и журналистике» [7, с. 157]. Подавляющее большинство российских авторов воспринимает дезинформацию в качестве угрозы для общественной безопасности и политической стабильности. В частности, А.В. Борхсениус предлагает государству выработать «критерии оценки степени дезинформационного воздействия», дабы «реалистично оценивать ущерб и просчитывать возможные шаги противника в информационном и когнитивном пространствах» [8, с. 232]. Технологические аспекты противодействия подобным вызовам и угрозам подробно рассматривает А.В. Манойло в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [9, 10].

Вне зависимости от ценностного восприятия феноменов постправды и «фейк-ньюз» теми или иными авторами, практически все российские исследователи демонстрируют солидарность в отношении трех принципиально важных моментов: во-первых, они констатируют наступление некой «новой информационной реальности», в которой истина и ложь теряют свою прежнюю антагонистическую природу; во-вторых, данное явление, как правило, связывается с развитием телекоммуникационных технологий и Интернета; в-третьих, авторы не оставляют попыток выработки критериальных параметров для дифференциации «фейковых» новостей и достоверной информации.

Ключевой принцип использования политических технологий в эпоху постправды пророчески сформулировал М. Горький. На вопрос одного из персонажей о реальности существования бога герой его пьесы «На дне» старец Лука отвечает «Коли веришь, — есть; не веришь, — нет... Во что веришь, то и

есть...»¹. Подобное изречение, восходящее к традиции античных мыслителей Протагора и Горгия, могло бы претендовать на роль девиза современных медиа. Почему же в XIX и XX веках дело обстояло иначе? Было бы наивно полагать, будто средства массовой информации той эпохи отличались от современных каким-то повышенным стремлением к объективности, или сами граждане питали меньший интерес к слухам и частным домыслам. Вероятно, причина кроется в том, что до появления Интернета традиционные СМИ и книги выступали едва ли не единственными источниками знаний об окружающей действительности. Это привилегированное положение налагало на них репутационную ответственность за каждое слово, опубликованное в печати или сказанное в эфире. Кроме того, даже в демократических странах пресса, телевидение и радио до сих пор подвергаются регулирующему воздействию государства (если не в формате откровенной цензуры, то как минимум, в виде проверки материалов масс-медиа на соответствие требованиям законодательства).

Создание виртуальной информационной среды привело к разрушению монополии традиционных СМИ на формирование общественного мнения. Вещательная модель массовой коммуникации ушла в прошлое, уступив место технологиям Web 2.0 и 3.0. Время от рождения идеи до ее восприятия широкой аудиторией радикально сократилось: в считанные секунды информация, распространяемая частным лицом, может стать достоянием мировой общественности. Помимо электронных изданий на просторах Интернета уже довольно давно появились социальные сети, представляющие собой безбарьерную коммуникационную среду, где в роли журналиста и лидера мнений может выступить любой пользователь. Для новых медиа, де-факто, не существует межгосударственных границ и национальных юрисдикций. С технической точки зрения, их модерирование со стороны государства пока остается практически невозможным. Идеи, свободно циркулирующие в глобальной сети, достигают такого уровня плюралистичности, что у каждого общественно значимого тезиса мгновенно появляется не менее убедительная антитеза. Стремительно возросшее количество трактовок одних и тех же событий (не важно, случились они в далеком прошлом или мгновение назад) сводит на нет возможность постулирования тех или иных утверждений в качестве единственно верных.

Неограниченная свобода движения информации от источника к получателю, на первый взгляд, должна была способствовать демократизации и повышению транспарентности политических процессов. Однако на практике оказалось, что гигантское многообразие мнений не так уж и сильно отличается от информационного монополизма. Бесчисленное множество противоречащих друг другу сообщений сливается для аудитории в «белый шум», состоящий из непроверенных новостей, сомнительного качества

¹ Горький М. На дне. СПб.: Издание товарищества «Знание», 1903. С. 77.

аналитики, рекламы, развлекательного контента и так далее. Фильтрация и верификация массовой информации оказывается непосильной задачей не только для рядовых потребителей, но и для представителей научно-экспертного сообщества. Неспособность контрольно-надзорных органов, судов и специальных служб навести порядок в виртуальном пространстве могла бы считаться их сугубо ведомственной проблемой, если бы «фейковые новости» не представляли угрозы для национальной безопасности.

Автор не является сторонником теории глобального заговора против России и не считает, что гипотетическая западная угроза может служить апологией для сокращения объема демократических прав и свобод граждан, в том числе права на свободу слова. Однако следует признать тот непреложный факт, что вирусное распространение недостоверной информации о «техногенных катастрофах», «эпидемиях», «потерях на фронте», «террористических атаках», «грядущем голоде», «надвигающихся репрессиях» и т.д. может быть использовано как инструмент гибридной войны в целях мгновенного подрыва политической стабильности и подготовки благоприятного фона для иностранной интервенции. Наиболее яркий пример использования подобной технологии мы находим в российской истории, когда «фейковые новости» о нехватке продовольствия в Петрограде и введении карточек на хлеб в феврале 1917 года спровоцировали «хлебные бунты», послужившие спусковым крючком для двух революций.

Теоретики, занимающиеся изучением технологий государственных переворотов, зачастую ошибочно полагают, будто катализатором массовых антиправительственных выступлений может служить ненависть к власти или желание перемен. Подобный мотив способен побудить к протесту лишь несколько тысяч заговорщиков, маргиналов и пассионариев в крупных административных центрах. Конформистски настроенные массы может направить в революционное русло лишь самый сильный и естественный мотив человеческой деятельности — страх. Само по себе участие в многомиллионных акциях протеста с неизбежной давкой, насилием и столкновениями с полицией отпугивает рационального индивида, не доведенного до крайности нищетой. Как показывает практика, «глубинный народ» превращается в неорганизованную революционную массу лишь тогда, когда оставаться дома ему страшнее, чем выходить на улицы.

В начале прошлого века триггерами массовой паники послужили слухи и прокламации о надвигающемся голоде. Питательной средой для их культивирования стали военные части, коллективы крупных промышленных предприятий, рынки и иные публичные места. В современном мире любой информационный вирус можно в считанные секунды транслировать миллионам граждан посредством Интернета (электронных СМИ, социальных сетей, мессенджеров и т.п.). При этом первоначальный деструктивный посыл будет неизбежно обрастать дополнительными шокирующими подробностями. В социальном сегменте глобальной паутины общественно опасные фейки

распространяются по цепной реакции — лавинообразно, поскольку сами граждане охотно делятся информацией об угрозах для их жизни и здоровья, катастрофах, эпидемиях, массовых смертях и многом другом. В данном случае работает сформированная в человеке эволюционным путем система быстрого взаимного оповещения об опасности (благодаря этой системе наши далекие предки смогли выжить в окружении хищников). Природный страх, гнев и ощущение скорби не позволяют трезво оценивать степень достоверности новостей, делая человека идеальным объектом для манипуляции. Особую силу подобным фейкам придают формулировки «власть скрывает правду», «государство замалчивает», «федеральные СМИ лгут» и т.д. Таким образом, на фоне массовой паники активизируется свойственное обывателю чувство недоверия к институтам власти.

Итак, мы установили, по крайней мере, два обстоятельства. Первое: проблема деструктивных фейков является злободневной и социально значимой. Второе: она нуждается в политико-правовом регулировании. Осознание вышеуказанных обстоятельств возвращает нас к необходимости принципиального разграничения понятий «правда» и «ложь» применительно к информационно-коммуникационной среде. Несмотря на всю философскую глубину данного вопроса, его надлежит решить с максимальной долей определенности. Однако, прежде всего нужно отметить, что семантика слова «правда» определяется выбором подхода к его интерпретации. С нашей точки зрения, подобных подходов может быть не менее пяти.

1. Научный подход (*правда — истина*). С научной точки зрения, правдой является то, что соответствует действительности, не зависит от воспринимающего субъекта и поддается верификации. Объективность научного суждения должна подтверждаться опытно-экспериментальным путем, что крайне затруднительно в отношении явлений и процессов, разворачивающихся в социуме (тем более в духовном мире конкретного индивида). С нашей точки зрения, научная правда-истина не имеет ничего общего с общественно-политической жизнью и, тем более, с публичным дискурсом средств массовой информации.

2. Исторический подход (*правда — достоверность*). История, в отличие от точных наук, пребывает в прямой зависимости от интересов правящей элиты. Наиболее объективной категорией исторического знания служит сухой факт, который сам по себе — без его интерпретации — ничего не значит. Если аутентичность документов более или менее поддается эмпирической проверке, то определение степени достоверности событий прошлого оказывается крайне затруднительным. Но даже когда это удастся сделать, то зачастую не представляется возможным установить все многообразие интересов, движущих сил и скрытых мотивов, послуживших причиной масштабных исторических свершений. Правда-достоверность всегда должна сопровождаться оговоркой «с высокой долей вероятности». Именно поэтому наиболее громкие преступления перед человечеством (захватнические

войны, геноциды, гонения) осуждаются не только в учебниках истории, но и на законодательном уровне, что позволяет исключить субъективность в оценке подобных событий. Так, например, в Уголовном Кодексе Российской Федерации предусмотрено суровое наказание за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания нацистских преступников. Таким образом, исторический подход к пониманию правды не может быть использован в борьбе с деструктивными фейками без должного правового сопровождения.

3. Аксиологический подход (*правда — справедливость*). Еще в начале XX века Н.А. Бердяев указал на нетождественность «правды-истины» и «правды-справедливости» [11, с. 23]. Первое понятие лежит в плоскости науки, а второе — в области морали и духовности. Субъективная природа духовных ценностей ставит категорию справедливости в тотальную зависимость от господствующей идеологии, социальной структуры общества, политической культуры и сотни других факторов, включая классовую и конфессиональную принадлежность индивида. В рамках аксиологического подхода правдой принято считать то, что является высоконравственным, с точки зрения конкретной личности, социальной группы, этноса или целой цивилизации. Непостоянство, пластичность и чрезвычайная вариативность человеческих представлений о справедливости не позволяют сделать из данной категории сколь-нибудь надежный фундамент для борьбы с фейками и дезинформацией (только в течение XX века ценностное восприятие частной собственности и предпринимательства в России менялось дважды, причем весьма радикальным образом).

4. Прагматический подход (*правда — выгода*). Подобный подход, берущий свои истоки в философии Ч. Пирса, приводит к отождествлению правды с интересом. В данном случае вопрос объективности суждений уходит на второй план, а во главу угла ставится практическая польза от реализации той или иной идеи. В системе современных международных отношений правдивым считается то, что соответствует национально-государственным интересам конкретных стран. С учетом нарастания глобальной конфронтации и «реинкарнации» блоковой системы мышления правящих элит, одни и те же события трактуются разными странами по-разному. Например, существует, как минимум, два диаметрально противоположных взгляда на вхождение Крыма в состав Российской Федерации, конфликт на Юго-востоке Украины, покушение на Скрипалей в Лондоне, гражданскую войну в Сирии и т.д. Официальная позиция государства по этим и иным вопросам определяется не степенью достоверности фактов и не их ценностным восприятием, а национальными интересами в том виде, как их понимает власть.

Сильная сторона прагматического подхода заключается в его универсальности. Очевидно, что политическая стабильность выгоднее «цветной революции»; порядок лучше хаоса; суверенитет и безопасность предпочтительнее иностранной интервенции и тому подобное. Если политическое

руководство страны обладает высоким уровнем легитимности и доверия со стороны граждан, то интересы правящей элиты, государства и общества с определенной долей условности можно признать тождественными. В таком случае национальные приоритеты, зафиксированные в официальных документах стратегического характера, определяют «меру правдивости» тех или иных явлений. Рядовой потребитель информации может и сам провести подобную оценку, задав себе ряд вопросов: «Выгодна ли эта правда мне? Выгодна ли она моей семье? Наконец, выгодна ли она моей стране?». В рамках подобной логики даже взаимоисключающие суждения о явлениях общественно-политической жизни могут одновременно считаться истинными. Например, для Соединенных Штатов Америки антиправительственные силы Сирийской арабской республики являются «умеренной оппозицией», а для России они же выступают «террористическими группировками». Имея общее представление о национальных интересах и политических приоритетах определенных стран, можно с высокой точностью установить, какую версию одного и того же события они будут оценивать как «правдивую».

5. Юридический подход (*правда — легальность*). Данный подход зиждется на четкой нормативно-правовой дифференциации категорий «правда» и «ложь». При его использовании фактор субъективности стремится к нулю, поскольку отношение государства и общества к определенным проблемам определяется буквой закона. Как уже отмечалось выше, применительно к итогам Второй мировой войны Уголовный Кодекс Российской Федерации запрещает любые попытки публичного оправдания преступлений нацистов перед человечеством. Зная о наличии данной статьи, гражданин может представить себе последствия, которые повлечет за собой ее нарушение. Проблем с установлением состава преступления и поиском доказательной базы в данном случае, как правило, не возникает. Эффективность применения юридического подхода к пониманию «правды» напрямую зависит от уровня доверия граждан к органам законодательной власти и юстиции. Например, сложившаяся в США правовая культура располагает к отождествлению судебных решений с «истиной в конечной инстанции». Как справедливо отмечает российский экономист и политолог М.Г. Делягин, западный человек понимает под правдой «то, что выгодно ему в данный момент времени и лживость чего еще не доказана судом»². Впрочем, данный тезис может применяться и не только по отношению к представителям «коллективного Запада».

При всей своей аксиологической ущербности юридическое понимание правды, по крайней мере, характеризуется высокой степенью определенности, чего нельзя сказать о законопроектах из так называемого «Пакета сенатора Клишаса», которые были приняты в начале 2019 года. В одном из

² Михаил Делягин: Financial Times призвала российских олигархов устроить переворот и устранить Путина [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/10827>.

них предлагается введение административной ответственности за публичное распространение информации, выражающей «явное неуважение к обществу, государству, официальным символам РФ, Конституции РФ и органам, осуществляющим государственную власть в РФ»³. При этом категория «явное неуважение» не получает развернутой правовой интерпретации, что позволяет прокуратуре интерпретировать ее предельно субъективно. В лучшем случае, подобная законодательная инициатива принудит журналистов и блоггеров к самоцензуре, а в худшем — вызовет всплеск того самого «неуважения к органам, осуществляющим государственную власть в РФ» (то есть, возымеет обратный эффект). В некотором смысле, полное отсутствие нормативного регулирования определенных сфер лучше, чем наличие закона, который может быть трактован произвольным образом.

В конечном счете мы приходим к выводу о том, что применительно к публичной информационно-коммуникационной среде понятие «правда» следует рассматривать в контексте прагматического и формально-юридического подходов, понимая под ним степень соответствия того или иного явления национальным интересам и нормам права. В свете данного обстоятельства следует дать оценку еще одному законопроекту из «Пакета Клишаса». По существу, его правотворческие новеллы, предназначенные для борьбы с деструктивными фейками, представляют собой две небольшие поправки к уже действующему Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодексу об административных правонарушениях (КоАП).

В России, как и в любом другом демократическом государстве, законы принимаются в двух случаях: во-первых, если за ними стоят определенные группы интересов; во-вторых, если объективная реальность заставляет привести существующие правовые нормы в соответствие с новыми вызовами времени. В данном конкретном случае, вероятно, справедливы оба утверждения. Возможность субъективной трактовки ключевых положений «Закона о борьбе с фейками» расширяет полномочия контрольно-надзорных органов, позволяя им применять его произвольным образом и, следовательно, осуществлять адресные карательные меры в отношении неугодных субъектов. Иными словами, принятие данного нормативного акта отвечает интересам некоторых силовых структур. В то же время, тиражирование «фейковых новостей» в информационно-коммуникационной среде является подлинным вызовом для общественной безопасности и нуждается во внятном правовом ответе со стороны законодателей.

С юридической точки зрения, качество любого нормативного документа определяется точностью используемых в нем формулировок и однозначностью трактовки ключевых положений. Встречающаяся в Законе категория

---

³ Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

«недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений» может быть интерпретирована предельно субъективно. Это создаст дополнительную нагрузку на суды, которые после блокировки медийных ресурсов будут вынуждены самостоятельно определять не только степень достоверности информации, но и тяжесть гипотетических последствий для общества от ее распространения. Возникнут неизбежные парадоксы и даже комичные ситуации. Допустим, синоптики в электронных СМИ ошибочно сообщают о грядущем потеплении, и автолюбители, раньше времени поменяв шипованную резину на летние шины, сотнями попадают в аварии на льду. В результате имеют место человеческие жертвы и транспортный коллапс. Будет ли это достаточным основанием для привлечения недобросовестных журналистов и тех, кто репостил их прогнозы в социальных сетях, к административной ответственности?

Причины вышеописанных правовых коллизий становятся понятны после ознакомления с пояснительной запиской к законопроекту, в которой не дается четкого и развернутого обоснования необходимости его принятия. Отсылка к аналогичному европейскому опыту и «негативным аспектам распространения ложной информации» не может считаться убедительной. Для того чтобы доказать целесообразность столь резонансной законодательной инициативы, следовало внятно обозначить проблемы, которые предполагается решить с ее помощью. Тем более, данные проблемы являются реальными, а не мнимыми, как полагают многие представители либерального сообщества. Речь идет об умышленном вирусном распространении в информационно-коммуникационной среде лжи и непроверенных слухов, которые потенциально способны спровоцировать массовую панику, необоснованные протестные акции, социальные конфликты, насилие и экономические потрясения. Осознание потребности в подобных правовых нормах наступило после наводнения в Крымске, кемеровской трагедии и взрыва газа в Магнитогорске.

Во всех перечисленных случаях определенные силы целенаправленно вбрасывали в глобальную сеть ложные сведения, кратно преувеличивая количество жертв и тяжесть последствий от случившегося. При этом дезинформация «сдабривалась» фейками о «неэффективной работе спасателей», «грузовиках с трупами», «вопиющем бездействии властей», «пренебрежении к пострадавшим со стороны чиновников» и т.д. Авторы конспирологических теорий еще задолго до завершения следственных мероприятий выдавали техногенные и природные катастрофы за террористические акты (разумеется, не неся за это никакой правовой ответственности). В отдельную категорию следует выделить фейки, провоцирующие массовую панику граждан в экономической сфере: сообщения о якобы надвигающемся «обвале рубля», продуктовом дефиците, фатальном повышении цен на товары первой необходимости, крахе банковской системы и так далее. Появляясь в электронных СМИ и новостных лентах одиозных блоггеров, подобные

фейки охотно тиражировались рядовыми пользователями, которые при этом зачастую исходили из самых искренних и благих побуждений: сострадания, неравнодушия, желания установить истину. Их мотивы, к сожалению, не играют в данном случае никакой роли. Важно лишь то, что последствия от распространения подобной дезинформации оказались негативными. Нужно ли пресекать подобные явления? Безусловно!

Дух и буква любого закона, направленного на борьбу с деструктивными новостными фейками, должны быть нацелены на то, чтобы журналисты, блоггеры и, самое главное, рядовые пользователи социальных сетей осознали неизбежность наказания за распространение общественно опасной дезинформации и основательно задумывались, прежде чем ее тиражировать. Страх перед административными арестами и денежными штрафами отрезвляюще подействует на физических лиц, воспитает в них осторожность и критическое отношение к непроверенным данным. Главная проблема заключается в том, что это не остановит разного рода ботов, «троллей», владельцев фейковых аккаунтов, недобросовестных журналистов и профессиональных провокаторов. Кроме того, действие закона не удастся распространить на иностранные средства массовой информации, вещающие из-за рубежа (например, такие, как зарегистрированная в Латвии Meduza или Русская служба BBC).

Принимая во внимание все вышесказанное, так называемый «Закон о борьбе с фейками» следует рассматривать как попытку решения важной и давно назревшей общественной проблемы. Однако он нуждается в качественной переработке, детализации и конкретизации. Для того чтобы инициатива о защите граждан «от недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений», увенчалась успехом, необходимо указать, какие именно сообщения попадают под данную категорию⁴. К таковым логично будет отнести лишь те «фейковые новости», которые провоцируют массовую панику, насилие, остановку производственного процесса, паралич объектов инфраструктуры при помощи запугивания граждан ложными сведениями о террористических актах, природных и техногенных катастрофах, эпидемиях и прочих инцидентах, представляющих угрозу для жизни и здоровья населения. В перечень соответствующих правонарушений следует включить:

- распространение заведомо ложной информации, существенно преувеличивающей количество жертв и степень общественной опасности террористических актов, природных и техногенных катастроф, эпидемий и прочих инцидентов, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан;
- распространение заведомо ложной информации, искажающей действия государства, направленные на борьбу с последствиями террористических

---

⁴ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

актов, природных и техногенных катастроф, эпидемий и прочих инцидентов, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан;

– распространение частных предположений, гипотез и версий о причинах и последствиях природных и техногенных катастроф, актов терроризма, эпидемий и прочих инцидентов, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан, под видом доказанных фактов, если их достоверность не подтверждена судом.

В любом случае, представляется целесообразным подключить к доработке «Закона о борьбе с фейками» журналистов, представителей экспертного сообщества, религиозных и духовных лидеров, деятелей искусства и других заинтересованных лиц, дабы наполнить его конкретным содержанием и отточить некоторые формулировки. С процессуальной точки зрения, столь резонансную законотворческую инициативу следовало бы заблаговременно провести через процедуру «нулевых чтений» в Общественной палате Российской Федерации. Вероятно, теперь Закон придется дорабатывать уже в свете имеющейся правоприменительной практики.

Так или иначе, приходится констатировать полноценное формирование новой политико-коммуникационной реальности, ассоциирующейся с феноменом постправды. В данной реальности традиционные научные принципы дифференциации истины и лжи уступают место прагматическому и аксиологическому подходам, в рамках которых под правдой понимается то, что соответствует субъективным интересам и ценностям политических акторов. Главным критерием достоверности в эту эпоху становится готовность масс уверовать в реальность определенных событий. На этом релятивистском фоне лишь нормы права способны прочертить границу между «деструктивными фейками» и «настоящими новостями». Осознавая всю философскую условность подобных границ, автор воспринимает их существование как неизбежный атрибут цифровой эпохи. Именно наличие четко прописанных в законе табу делает возможным административное или уголовное наказание за их нарушение. В свою очередь, предельно расплывчатые и неопределенные формулировки, допускающие произвольную интерпретацию норм права, следует рассматривать как «ловушки», расставленные для адресного применения административных санкций в отношении частных лиц и средств массовой информации.

Список литературы

1. Платон. Теэтет. М.: СОЦЭКГИЗ, 1936. 192 с.
2. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.
3. Корецкая О.В. Концепт post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадиска // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-3(73). С. 136–138.

4. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Правда» и «постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине // Русин. 2017. № 4(50). С. 134–151.
5. Черненко Ю.А. Political Storytelling in Digital Culture: a Tool for Post-Truth Politics? // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 1. С. 73–85.
6. Рустамова Л.Р., Барабаш Б.А. Информационное воздействия в эпоху «постправды» и «фейк-ньюз» // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 5(33). С. 23–30.
7. Лебедева И.В. Фейк как социокультурное явление современного общества // Гуманитарные исследования. 2013. № 2(46). С. 157–165.
8. Борхсениус А.В. Дезинформация как технология информационно-психологических войн. Фейк и антифейк // Вопросы политологии. 2016. № 2(22). С. 232.
9. Манойло А.В. Технологии современных информационных войн // Политическая наука. 2017. № 5. С. 306–325.
10. Манойло А.В. Структура современных операций информационной войны // Вестник Российской нации. 2018. № 4(62). С. 197–255.
11. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 5–26.